

что Я буду сообщать Духа и находиться Самъ въ принимающихъ Его.

А что миръ Христовъ есть Духъ Его, для удостовѣренія и доказательства этого, думаю, не требуется длиннаго разсужденія. Впрочемъ считаю нужнымъ сказать объ этомъ.

Вѣдь если Онъ есть миръ на небесахъ и на землѣ, то развѣ уже не ясно будетъ всякому, что, какъ мы сказали, миръ безъ сомнѣнія есть Духъ Его? Такъ и божественный Павелъ написалъ въ одномъ посланіи: „и миръ Божій, превышающій всякій умъ, сохранить сердца ваши и помышленія ваши“ (Филип. 4, 7). Развѣ не справедливо думать, что не о семь мирѣ, разумѣемомъ въ обычномъ смыслѣ и значеніи говоритъ это? Вѣдь несклонный къ враждѣ и отвращающійся войны характеръ, насколько дѣло касается его собственныхъ влеченій и своего собственного желанія его, имѣетъ миръ и достигаетъ его. Но, такъ понимаемый, миръ мы никогда не можемъ считать чѣмъ либо ипостаснымъ и существующимъ особо, но должны признавать его находящимся въ характерѣ тѣхъ, кто любитъ миръ. Какимъ же образомъ можетъ кто либо представить такой миръ превосходящимъ всякій умъ? То, что отнюдь не имѣетъ особнаго существованія, развѣ можетъ быть мыслимо вышимъ и превосходящимъ на примѣръ людей, или ангеловъ, или еще высшихъ существъ? Вѣдь и они, какъ думаемъ, суть умъ. Итакъ миръ, превосходящій начала, власти, престолы, или господства и всякій умъ, есть Духъ Христа, чрезъ коего Сынъ все примирилъ съ Богомъ и Отцомъ, такъ какъ ничего другаго не желаетъ и не хочетъ ни мыслить, ни дѣлать и не можетъ перейти въ отступленіе чрезъ уклоненіе ко злу.

Ничто не препятствуетъ здѣсь представить объ этомъ нѣкоторое. не лишенное основательности, разсужденіе. Какъ Сынъ, такъ какъ есть жизнь по природѣ и премудрость и сила, а Духъ называется и есть Духъ Его, Духъ жизни и премудрости и силы: такъ, поелику Онъ Самъ, а не другой кто, есть истинно и собственно миръ, справедливо долженъ называться и мыслиться опять; подобно Ему, миромъ Духъ Его. Поэтому то и особо усвоивъ Своей природѣ Свой миръ, то есть Духа, говоритъ о Немъ: „*миръ Мой оставляю вамъ*“. А что и у святыхъ пророковъ такъ называется Духъ Христа, это вполне можешь уразумѣть и узнать изъ словъ Исаи: „Господи, говорить, Боже нашъ, миръ дай намъ, ибо все Ты воздалъ намъ“ (Иса. 26, 12). Такъ какъ законъ ничего не дѣлалъ совершеннымъ и его праведность была не въ состояніи возвести человѣка къ полному благочестію, то молить, чтобы данъ былъ Духъ Божественный, чрезъ Коего мы, примирившись съ Богомъ и Отцомъ, призываемся къ любви, являшіеся прежде бѣглецами (отъ Бога) по причинѣ царствовавшего надъ нами грѣха. „Дай, говоритъ поэтому, миръ намъ, Владыка, ибо все Ты воздалъ намъ.“ Этимъ, полагаю, Онъ хочетъ выразить вотъ что. Подаи, говоритъ, Владыка миръ, ибо тогда мы должны будемъ признать, что все имѣемъ и не окажется недостатка ни въ какомъ благѣ у разъ получившаго полноту Христову, ибо наполненіе всякимъ благомъ есть обитаніе въ насъ Бога чрезъ Духа. И такъ какъ Духъ совершенно достаточенъ для того, чтобы утишить всякое смятеніе нашего ума и уничтожить въ насъ всякую робость, то и обѣщается подать какъ бы нѣкое пособіе, годное для возбужденія мужества

и спокойствія въ словахъ: „миръ Мой оставляю вамъ, да не смущается ваше сердце и да не устрашается“.

XIV. 28. Слышасте, яко Азъ рѣхъ вамъ: иду и прииду къ вамъ.

Изъ устъ не другаго кого, но отъ Меня узнали вы, говорить, о Моемъ отшествіи отсюда, ибо вы сами были слушателями Моихъ словъ. Что же обѣщалъ вамъ Я, не могущій говорить ложь? „Я уйду и прииду къ вамъ“. Если бы рѣчь Моя грозила вамъ безутѣшнымъ отшествіемъ (отъ васъ) и всегдашнимъ оставленіемъ (васъ), то вамъ конечно вполнѣ слѣдовало бы по этой причинѣ находиться въ превеликой скорби и впасть въ крайнее уныніе. Но такъ какъ Я сказалъ вамъ, что не только уйду, но и въ извѣстное время возвращусь, то зачѣмъ же, говорить, допустивъ въ свои души одно только печальное, вы уничтожаете своимъ забвеніемъ способное радовать? Могущее исцѣлять пусть противостоитъ тому, что поражаетъ и сила радости да противодѣйствуетъ тому, что причиняетъ печаль. Вотъ Я намѣреваюсь восходить къ Отцу и Богу, но общаюсь и возвратиться опять. Такъ, найдя въ ученикахъ чрезмѣрную скорбь, утишаетъ ее. И какъ нѣкій истинно чадолюбивый и добрѣйшій отецъ, вынужденный какою либо необходимостью удалиться въ путешествіе, видя слезы своихъ дѣтей, орошающія ихъ нѣжныя и милыя щеки, всячески ихъ уговариваетъ и, постоянно выставляя на видъ будущее благо отъ этого удаленія, нѣкоторымъ образомъ противопоставляетъ печали пріятнѣйшую надежду: такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ умѣряетъ скорбь души святыхъ. Вѣдь Онъ зналъ конечно, будучи истиннымъ Богомъ, что крайне тяжело для нихъ будетъ Его оставленіе ихъ, хотя чрезъ

Духа Онъ всегда находился съ Ними. И это служить наивысшимъ доказательствомъ ихъ любви и святости, ибо желаніе быть со Христомъ развѣ не болѣе всего подобаешь истинно святымъ? Такъ и дивный Павелъ, имѣя въ себѣ это намѣреніе, говоритъ: лучше „разрѣшиться и со Христомъ быть“ (Филип. 1, 23):

ГЛАВА I.

О томъ, что Сынъ ни въ чемъ не меньше Бога и Отца, напротивъ—равенъ и подобенъ Ему по природѣ.

XIV. 28. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте, яко ¹⁾ иду къ Отцу, яко Отецъ Мой болій Мене есть.

Причину печали обращаетъ въ основаніе радости и ясно обвиняетъ ихъ въ томъ, что они, напротивъ, не радуются тому, о чемъ теперь скорбятъ. Въ то же время старается научить, что желающимъ приобрѣсти неподдѣльную и истинную любовь къ другимъ необходимо заботиться не о пріятномъ и любезномъ только для самихъ себя, но и о полезномъ для любимыхъ, когда обстоятельства потребуютъ дѣлать это. Посему и Павелъ въ одномъ посланіи говоритъ: „любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего“ (1 Кор. 13, 4—5). Также въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что должно искать не своего, но (пользы) другихъ (1 Кор. 10, 24). Дѣло настоящей любви состоитъ не въ томъ, чтобы мы заботились только о своихъ собственныхъ благахъ, но и старались о пользѣ ближняго. Такъ думать убѣждаетъ Спаситель Своихъ учениковъ въ предложенныхъ словахъ. Постараемся же опять, на себѣ самихъ, какъ на доскѣ, отпечатлѣвая тончайшими письменами зна-

¹⁾ Опуск. *ργαζ*, читаемое въ Слав и многихъ греческихъ

ченіе заключеннаго въ этомъ изреченіи умозрѣнія, возвыситься отсюда къ тайнѣ Христовой. Вѣдь образъ, заключающійся въ низшихъ предметахъ, часто даетъ возможность постигать и несравненно высшіе предметы. Такъ, скажемъ, пріятно ученикамъ Павла быть всегда съ нимъ, но для Павла выше „разрѣшиться и со Христомъ быть“ (Филип. 1, 23), какъ самъ утверждаетъ въ посланіи. Поэтому дѣломъ возлюбившихъ его было стараться осуществлять любовь къ нему и не ограничиваться всегда однимъ только пріятнымъ себѣ, но и заботиться о полезномъ для отходящаго учителя, ибо онъ стремился быть со Христомъ.

Итакъ тѣнь этого умозрѣнія имѣешь въ насъ. Но постараемся уже ясно показать самую истину, раскрашивая различными красками, какъ бы какую картину, значеніе таинства (воплощенія) Христова. Единородный, будучи въ образѣ Бога и Отца и въ равенствѣ съ Духомъ, не похищеніемъ почелъ быть равнымъ Богу, но по любви къ намъ уничижилъ Себя, образъ раба принявъ (Филип. 2, 6—7), и подвергся этому состоянію для того, чтобы всѣхъ насъ направить ко всякаго рода добродѣтели и чрезъ несравненный блескъ Своихъ чудесъ уготовать намъ средства стать созерцателями присущихъ Его божественной природѣ всемогущества и славы и сверхъестественной власти. Такимъ образомъ можно было заставить впавшихъ въ крайнее невѣжество снова подняться къ разумѣнію и поклоняться уже не твари вмѣсто Творца, а чтить единого и истиннаго по природѣ Бога. И въ другихъ отношеніяхъ принесъ намъ пользу Единородный Своимъ вочеловѣченіемъ. Такъ Онъ низвергъ державу смерти, уничтожилъ силу грѣха, далъ намъ „наступать на змій и скорпіоновъ и на

всю силу вражію“ (Лук. 10, 19). Поэтому для насъ самихъ, какъ и для святыхъ учениковъ, должно было исполнѣ естественно оказаться пріятнымъ и любезнымъ и достойнымъ всякаго почтенія непрестанно быть съ подателемъ намъ столькихъ благъ Христомъ и имѣть Его всегда соприсутствующимъ и сожительствующимъ съ нами. Но для Него не являлось очень полезнымъ въ теченіе столь долгихъ вѣковъ находиться въ уничиженномъ образѣ, благополезно принятомъ по любви къ намъ, какъ мы уже сказали прежде. Напротивъ, послѣ того какъ надлежащимъ образомъ уже совершено было домостроеніе вочеловѣченія, Ему подобало снова взойти въ собственную славу и съ воспринятою ради насъ плотью возвратиться къ равенству съ Богомъ и Отцомъ, которое не считая за похищеніе,— ибо Ему надлежало имѣть это какъ собственное Свое благо,—Онъ низшелъ въ человѣческое безславіе. Вѣдь пока Онъ находился еще на землѣ, хотя и будучи истиннымъ Богомъ и Господомъ всего, у незнавшихъ славы Его Онъ не считался выше никого изъ насъ—людей. Такъ Онъ былъ и заушенъ, и оплеванъ, и распятъ, и подвергся осмѣянію нечестія Іудеевъ, осмѣлившихся сказать: „если Сынъ Ты Божій, сойди теперь съ креста, и повѣримъ Тебѣ,“ (Матѹ. 27, 40. ср. 42). Когда же, совершивъ тайну вочеловѣченія, восходилъ къ небесному Отцу и Богу, по прошествіи уже времени униженія и окончанія сроковъ добровольнаго униженія, тогда являлся уже какъ Богъ предъ вышними силами. Вѣдь небо не невѣдало восходившаго Владыку всего, но стоявшіе при вышнихъ вратахъ получали повелѣніе, чтобы пропускали Господа силъ, хотя и возлетавшаго съ плотью, и Духъ давалъ знакъ открыть врата Ему, говоря: „откройте врата, начальники ваши! откройтесь врата вѣчныя! и

войдетъ Царь славы! Господь крѣпкій и сильный, Господь сильный въ войнѣ, Господь силъ, Онъ есть сей Царь славы“ (Псал. 23, 7—8, 10). Вѣдома была „Началамъ и Властямъ многообразная Премудрость Бога, что совершилъ во Христѣ“ (Ефес. 3, 10—11), какъ Павель говоритъ. Такъ вознесишь къ Отцу, хотя и представляемому большимъ сравнительно съ Нимъ, посколькѣ Отецъ оставался въ томъ состояніи, въ какомъ всегда былъ, а Сынъ, подвергшись добровольному униженію, снисшелъ въ образѣ раба,— Онъ восшелъ снова въ Свою славу, услышавъ: „сѣди одесную Меня, пока положу враговъ Твоихъ подножіемъ ногъ Твоихъ“ (Псал. 109, 1). И чтобы не показалось, что Онъ насильственно, а не добровольно заставилъ Небснаго Отца и Бога посадить Сына одесную Себя, введенъ Самъ Отецъ говорящимъ это „одесную Меня сиди“. И конечно никто, имѣющій умъ, не скажетъ, что Отецъ, имѣя Сына одесную, получаетъ второстепенную честь, но, напротивъ, подумаетъ и разсудитъ такъ: вѣдь мыслиться находящимся одесную и имѣть мѣсто, свободное отъ всякаго подозрѣнія въ меньшемъ его достоинствѣ, дѣйствительно подобало отнюдь конечно не Отцу, а напротивъ—Сыну, ради Его добровольнаго униженія и подчиненія, обвиняемому въ низшемъ достоинствѣ (сравнительно съ Отцомъ) со стороны тѣхъ, кои не въ состояніи разумѣть таинство о Немъ. Посему—одесную Отца, отнюдь не могущаго подвергаться умаленію, чтобы сохранялось равночестіе Сыну.

Эти разъясненія мы сочли нужнымъ представить въ настоящемъ случаѣ, оказывающіяся не бесполезными для толкуемаго мѣста. Но, возвращаясь назадъ и снова повторяя весь, такъ сказать, съ начала смыслъ изъясненія, скажу наконецъ, что пріятно намъ

и любезно и чрезъ молитву быть всегда со Спасителемъ Христомъ, уничижившимъ Себя ради насъ, какъ написано (Филип. 2, 7) и явившимся въ образъ слуги и въ безславіи человѣческой природы, ибо что такое человѣческая природа въ сравненіи съ Богомъ? Но и Самому Сыну это не было полезно, напротивъ Ему подобало вознестись къ Отцу и снова получить Свою славу и власть и божеское достоинство уже явно, а не прикровенно. И Онъ возсѣлъ одесную (Бога), чего желалъ и Самъ Отецъ, ибо Онъ любитъ Его какъ Свое порожденіе и какъ плодъ Своей сущности. Вотъ по этому то и говоритъ: *„если бы вы любили Меня, возрадовались бы, что Я иду къ Отцу, потому что Отецъ больше Меня есть“*. Дѣйствительно, доказательствомъ любви къ Нему было не печалиться такъ ради казавшагося удаленія Его и необходимо предпринятаго отшествія, а напротивъ—размышлять о томъ, что Онъ шелъ къ подобающей Ему и должествующей славы и къ изначальному достоинству, то есть, очевидно къ божескому. Такъ и Псалмопѣвецъ, изрекая тайны посредствомъ Духа, говоритъ: *„всѣ народы воспещите руками“* (Псал. 46, 2). Потомъ, изъясняя причину торжества, указалъ на восшествіе Спасителя на небеса въ словахъ: *„восшелъ Богъ при восклицаніи, Господь при звукѣ трубы“* (ст. 6), восклицаніемъ и трубою называя громкій и внятный голосъ Духа, когда повелѣвалъ вышнимъ силамъ открыть врата и называлъ Его Господомъ силъ, какъ мы только что говорили. Но и хоръ святыхъ мы найдемъ находящимся въ великой радости по этому же самому, почему и сказалъ въ одномъ мѣстѣ: *„Господь воцарился, да радуется земля“* (Псал. 96, 1), и въ другомъ опять: *„Господь воцарился, въ благолѣпіе облекся, облекся Господь силою и опоясалея“*

(Псал. 92, 1). Бывшій съ нами человѣкомъ до воскресенія изъ мертвыхъ, когда восшелъ къ Небесному Отцу, тогда облекся въ собственное благолѣпіе и опоясался изъ начала присущею Ему силою, ибо возсѣлъ царствовать съ Отцомъ. Слѣдовательно любящимъ Его справедливо подобаетъ радоваться тому, что Онъ восшелъ къ Небесному Отцу, чтобы снова воспріять Свою славу и опять соцарствовать съ Нимъ, какъ было въ началѣ.

„*Большимъ*“ же называетъ Его (Отца) не потому, что возсѣлъ одесную, какъ Богъ, но потому, что еще былъ съ ними (Христосъ), то есть подобенъ намъ,— именно какъ имѣвшій еще рабскій образъ и такъ какъ еще не настало Ему время, когда надлежало вознестись, говорить это. Поэтому, когда подвергся за насъ честному распятію, укусу и желчь іудеи предложили Ему, жаждавшему, и, пія, сказали: „совершилось“ (Іоан. 19, 30). Тогда именно исполнилось время униженія и Онъ былъ распятъ какъ человѣкъ. Но побѣдилъ державу смерти уже не какъ человѣкъ, а напротивъ, какъ Богъ, говорю по отношенію къ силѣ и славѣ и могуществу при побѣдѣ, а не по отношенію къ плоти.

Итакъ, Отецъ, „*больше*“, такъ какъ Сынъ еще былъ рабомъ и подобнымъ намъ. А когда и Богомъ Своимъ называетъ Его (Отца), то и это относитъ къ человѣческому образу Своему. Вѣдь если мы вѣруемъ, что Онъ унижилъ и унизилъ Себя, то развѣ не должно быть для всѣхъ очевиднымъ, что Онъ низшелъ изъ нѣкоего превосходства въ умаленіе, лучше— изъ равенства съ Отцомъ къ неравенству? А Отецъ ничему этому не подвергся, но остался и есть, какъ былъ изъ начала. Такимъ образомъ Онъ „*больше*“ Того, Кто промыслительно избралъ для Себя ума-

леніе, и пока былъ въ немъ, пока не восшелъ опять въ то, разумѣю собственное Его и природное, благо, въ коемъ былъ въ началѣ. Какъ бы нѣкимъ собственнымъ Его и природнымъ Ему мѣстомъ по справедливости должно быть представляемо Его равенство съ Отцомъ, каковое Ему можно было имѣть безпрепятственно, не считая хищеніемъ ради насъ.

Такъ какъ въ предшествующихъ книгахъ у насъ было уже обширное разсужденіе о равенствѣ Сына съ Богомъ и Отцомъ, то намъ можетъ быть слѣдовало бы уже приступить къ объясненію слѣдующихъ стиховъ, оставивъ въ настоящій разъ дальнѣйшую рѣчь объ этомъ. Но такъ какъ одинъ изъ безразсудныхъ еретиковъ, получившій у іудеевъ весьма незаурядное знаніе священныхъ писаній, пытаясь истолковать данное мѣсто, предалъ письмени страшныя хулы на Единороднаго, то я призналъ дѣломъ для себя совершенно недопустимымъ, и мнѣ совсѣмъ не соотвѣтствующимъ — обойти молчаніемъ столь ужасное безуміе упомянутаго (еретика). Поэтому думаю, что противъ него надо выступить съ словомъ и ясно доказать, что его разсужденія суть гнилыя и бабьи басни, совершенно лишены здраваго смысла и представляющія собою ряды пустыхъ умозаключеній. Но я приведу вамъ въ дословномъ видѣ то, что онъ осмѣлился сочинить, толкуя смыслъ, какъ онъ самъ думалъ, даннаго изреченія.

„Ясно проповѣдуя Отца большимъ Себя, Онъ не только проявилъ подобающее Себѣ благомысліе, но и изблжилъ ложь допускающихъ сліяніе между Обои-ми“. Поразивъ въ этихъ словахъ мнѣніе Савеллія, онъ, страшный и сильный, какъ думаетъ, набрасывается на тѣхъ, кои усвояютъ Сыну равенство съ Отцомъ, говоря далѣе такъ: „до такого же нера-

зумія дошли также нѣкоторые, кто считаютъ совершенно невозможнымъ говорить, что Отецъ больше божества Единороднаго, но думаютъ, что Онъ превосходитъ только по сравненію съ плотью (по человѣчеству). Такимъ образомъ они оказываются не въ состояніи понимать даже того, что разнородные предметы отнюдь не могутъ сравниваться. Въ самомъ дѣлѣ, никто вѣдь не скажетъ, что человѣкъ мудрѣе скота, или конь бѣжитъ быстрѣе черепахи, но человѣкъ считается разумнѣе человѣка, а конь быстрѣе коня. Теперь, такъ какъ одни только однородные предметы допускаютъ сравненіе другъ съ другомъ, то имъ необходимо признать, что Отецъ оказывается больше самаго божества Единороднаго, ибо держащіеся противоположнаго мнѣнія своимъ сравненіемъ съ плотью (толкованіемъ изреченія: *Отецъ больше Меня* по человѣчеству Сына), насколько это ихъ касается, уничтожаютъ отеческое достоинство.“

Такова вздорная болтовня этого еретика. При ближайшемъ разсмотрѣніи ея мы докажемъ, что онъ, самъ того не замѣчая, сражается съ своими словами. Въ самомъ дѣлѣ, онъ допускаетъ, что Сынъ сохраняетъ подобающее Ему благомысліе, когда говоритъ: „*Отецъ больше Меня есть*“. Но я удивляюсь, какъ же онъ не обратилъ вниманіе вотъ на что: что могло такъ принудить Его коснуться богословія (Своего божества) именно теперь? Вѣдь никто, обладающій благоразуміемъ, не пренебрегаетъ знаніемъ времени, потребнаго какъ для слова такъ и для дѣла. Какая же нужда являлась въ столь несвоевременномъ богословіи (рѣчи о Своемъ божествѣ), когда ученики находились въ уныніи отъ того, что Онъ намѣревался уходить изъ міра къ Отцу и Богу? Какого рода утѣшеніе могла бы принести имъ такая рѣчь? Зачѣмъ

едва даже не обвиняетъ ихъ, говоря: „если бы любилъ Меня, возрадовались бы, что Я иду къ Отцу, потому что Отецъ больше Меня есть“? Неужели, скажи мнѣ, учениковъ располагало къ бодрости или освобождало отъ столь благочестивой печали то, что Онъ идетъ къ большому Отцу? Какого же рода ободреніе можно усматривать въ этомъ? Когда Филиппъ спрашивалъ и говорилъ: „Господи! покажи намъ Отца, и довольно намъ“ (14, 8), вотъ тогда то именно, такъ какъ настало время и для богословія, показуя Отца въ Себѣ и Себя въ Своей стороны въ Отцѣ, и то (показуя), что Онъ ни въ чемъ не меньше Его (Отца) и обладаетъ равенствомъ (съ Нимъ) во всемъ,—Ему и было вполнѣ благовременно сказать: „сколько времени съ Вами Я, и не позналъ Меня, Филиппъ! видѣвшій Меня, видѣлъ Отца: не вѣруешь (ли), что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть: Я и Отецъ одно есмы“ (14, 9—10). Но тогда Онъ благовременно велъ вызывающую справедливое изумленіе въ насъ рѣчь объ этомъ. Теперь же, какая надобность требовала или какая цѣль могла вызывать эти слова, развѣ только желаніе утишить печаль въ ученикахъ и сообщить имъ какъ бы (лекарственное) средство утѣшенія въ повелѣніи радоваться тому, что Онъ идетъ къ Отцу? Неужели и для очень малосмысленныхъ не должно быть чрезъ самое дѣло яснымъ, что Онъ повелѣвалъ любившимъ Его (ученикамъ) радоваться именно тому, что Онъ спѣшилъ снова возвратиться въ Свою славу съ Отцомъ, предложивъ имъ вмѣстѣ съ другими и этотъ самый родъ утѣшенія?

Но оставимъ теперь это и не станемъ долго останавливаться на сумасбродныхъ мнѣніяхъ этого еретика. Лучше надо перейти къ слѣдующему. Вѣдь онъ думалъ можетъ быть, что, сравнивая плоть съ

природою божества, мы дѣлаемъ совершенно тщетное противопоставленіе, когда говоримъ, что Сынъ подвергся униженію, такъ какъ сталъ человѣкомъ. Но это совсѣмъ не такъ. Говоря о божественной славѣ рабской ограниченности и свойственнаго слугѣ достоинства, мы утверждаемъ, что Сынъ является меньше Отца, поскольку Онъ сталъ человѣкомъ, но Онъ снова возстановился въ состояніе равенства съ Своимъ Родителемъ послѣ отшествія отсюда, облекшись не въ новую или (только теперь) прибрѣтенную и не въ необычную (для Него) славу, но опять оказавшись въ той, въ какой былъ въ началѣ съ Отцомъ. Такъ и божественный нашъ тайноводитель, разумѣю Павла, уже не усвояя Ему подобающаго людямъ униженія послѣ Его оживленія изъ мертвыхъ и возшествія на небеса, пишетъ въ посланіи: „если вѣдь и знали мы по плоти Христа, но теперь уже не знаемъ“ (2 Кор. 5, 16). О себѣ же самомъ опять говоритъ: „Павелъ Апостоль Иисуса Христа, не отъ человѣковъ и не чрезъ человѣка, но чрезъ Иисуса Христа“ (Гал. 1, 1). Почему же, говоря, что Онъ снова придетъ къ намъ, преобразуя „тѣло униженія сообразнымъ тѣлу славы Его“ (Филип. 3, 21), теперь отрицается, говоря: „не отъ человѣковъ и не чрезъ человѣка“, хотя Онъ былъ поставленъ въ апостольство чрезъ Иисуса Христа? Почему же говоритъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ Его по плоти? Неужели, скажи мнѣ, онъ отрекся испувившаго его Владыки (2 Петр. 2, 1)? Нѣтъ, Онъ рассуждаетъ право. Вѣдь когда уже совершилось и достигло конца время униженія или униженія Единороднаго, Апостоль старается проповѣдывать Его и познавать не съ той стороны, по которой Онъ является униженнымъ, а съ той, по которой Онъ есть Богъ по природѣ. Послѣ того какъ (вѣрующими) разъ бы-

ло признано и принято, что Онъ сталъ человѣкомъ, то потомъ уже надлежало вѣрующимъ научиться тому, что Онъ есть и Богъ по природѣ, почему предъ другими Апостолъ предпочитаетъ такія о Немъ выраженія, кои подобаютъ Богу.

Удивляюсь, какъ онъ (еретикъ) не стыдится говорить, что какъ скоро одни только однородные предметы „допускаютъ сравненіе другъ съ другомъ, то они должны признать, что Отецъ оказывается большимъ божества Единороднаго“. Пусть отвѣчаетъ на вопросъ, который мы считаемъ нужнымъ поставить: сравненія одновидныхъ предметовъ между собою съ какихъ сторонъ должны производиться—съ тѣхъ ли, кои относятся къ общности ихъ природы, или же съ тѣхъ, кои появляются и исчезаютъ, присутствуютъ и не присутствуютъ, по разнымъ причинамъ? Воспользуюсь тѣмъ же примѣромъ, какой привелъ и онъ: кто пожелаетъ сравнивать человѣка съ человѣкомъ, имѣя въ виду ихъ единую и общую сущность, тотъ не найдетъ у обоихъ никакого различія. Вѣдь человѣкъ отнюдь не отличается отъ человѣка тѣмъ, что онъ есть животное разумное, смертное, способное къ умственной дѣятельности и наукѣ, ибо это есть одно у всѣхъ опредѣленіе самой сущности (человѣка). Также и конь отъ коня (не различается) именно тѣмъ самымъ, что есть конь. Но человѣкъ различается отъ человѣка по отношенію къ какой либо наукѣ, на примѣръ грамматикѣ, или въ какихъ либо другихъ подобныхъ отношеніяхъ. И это уже не касается сущности, а имѣетъ другую причину (различія). Также и конь бываетъ рѣзвѣе (другаго) коня, или меньше или полнѣе корпусомъ, однакожъ превосходство въ этомъ или недостаточность, какъ видимъ, не заключаются въ понятіи сущности. Иначе подлежащіе сравненію

другъ съ другомъ предметы ничѣмъ бы между собою не различались. Какимъ образомъ, напримѣръ, (одинъ) человѣкъ могъ бы мыслиться или называться меньшимъ или большимъ (другого) человѣка, поскольку (оба) они суть люди?

Итакъ, у всѣхъ однородныхъ предметовъ природа равна по мѣрѣ ¹⁾. Различіе же оказывается въ томъ, что присутствуетъ и находится въ предметѣ, какъ явившееся отъиѣ и случайное. Поэтому, какъ скоро, согласно ихъ предположенію или слововыраженію,—буду держаться его,—собственно одни только однородные предметы допускаютъ сравненіе другъ съ другомъ, то, во первыхъ, пусть признаетъ, что Сынъ однороденъ Отцу, то есть единосущенъ, ибо такъ ты долженъ понимать однородность, если онъ (еретикъ) призналъ, что человѣкъ долженъ сравниваться съ человѣкомъ и конь съ конемъ. А потомъ пусть укажетъ причину, по которой Сынъ, сравниваемый съ Богомъ и Отцомъ какъ однородный Ему, имѣетъ (сравнительно съ Отцомъ) умаленіе въ какомъ бы то ни было отношеніи,—и въ чемъ мы должны находить это меньшее (у Сына предъ Отцомъ), когда предметамъ однороднымъ подобаешь одинъ предѣлъ сущности? Вѣдь каждая сущность не является совершенною въ однихъ предметахъ и 'не-совершенною въ другихъ, но во всѣхъ является одною и равною. Но другія причины, полагаемъ, имѣетъ каждое изъ свойствъ привходящихъ или появляющихся какимъ бы то не было образомъ. Для уясненія своихъ словъ опять приведу прежній примѣръ. Человѣкъ совсѣмъ ничѣмъ конечно не отличается отъ человѣка, поскольку они суть именно люди. Но одинъ оказывается благочестивымъ, другой злоумнымъ, тре-

¹⁾ т. е. человѣкъ или конь не могутъ быть человѣкомъ или конемъ въ большей или меньшей мѣрѣ, но вообще и просто человѣкъ или конь

тій больнымъ и съ тѣлеснымъ поврежденіемъ, иной здоровымъ и сильнымъ, этотъ завистливымъ, а тотъ добрымъ. Но когда кто либо станетъ тщательно изслѣдывать причины этихъ (различій), тотъ найдетъ эти причины не въ предѣлѣ (разныхъ мѣрахъ) сущности, но усвоитъ ихъ тѣлеснымъ или духовнымъ страстямъ. Вотъ почему, какъ скоро у Отца и Сына мыслится и есть одинъ предѣлъ божества,—или и иначе какъ назоветъ это кто либо, не удалится отъ истины, —вѣдь сравниваются Они какъ однородные,— ради необходимости уясненія воспользуюсь и его (еретика) словами,—то пусть укажутъ, несчастные, что, по ихъ мнѣнію, причиняетъ Сыну умаленіе предъ Богомъ и Отцомъ? Страсть ли, или нерадѣніе и все, что обыкновенно бываетъ у обладающихъ тварною природою? Но кто столь вздоренъ и безразсуденъ, чтобы рѣшиться допустить даже только до слуха это богохульство? Когда такимъ образомъ, какъ однородный съ Тѣмъ, Кто есть Богъ по природѣ, Онъ и Самъ очевидно есть Богъ по природѣ, ибо сравнивается съ Отцомъ, и ничто не препятствуетъ Ему быть такимъ же, какъ Родитель: то развѣ Онъ можетъ быть меньшимъ?

Но такъ какъ врагъ истины, рассуждая въ выше приведенныхъ словахъ своихъ весьма невѣжественно и глупо, не побоялся сказать, „что Отецъ больше божества Сына“, то мы теперь, нѣсколько сокративъ рѣчь о домостроеніи воплощенія и ради обличенія отвлекши свои мысли отъ толкуемаго мѣста, станемъ сравнивать божество Сына съ божествомъ Отца, какъ они выражаются. И, во первыхъ, осмѣлившася утверждать это мы попросимъ отвѣтить намъ: считаетъ ли онъ Сына истиннымъ Богомъ по природѣ, или же чѣмъ то другимъ, а не Богомъ, такъ что Онъ только